

ЭВОЛЮЦИЯ «КРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ» И «КРИЗИСНОЙ ДИПЛОМАТИИ» США

В. В. Журкин

Одним из главных элементов начавшейся в 1970-х годах разрядки в советско-американских отношениях явилось зафиксированное в ряде международно-правовых актов (в первую очередь в Соглашении о предотвращении ядерной войны и Основах взаимоотношений между СССР и США) стремление двух держав прилагать все усилия, чтобы противодействовать возникновению конфликтов и кризисов, которые усиливают международную напряженность, ставят под угрозу мир и безопасность народов. Это было свидетельством определенного поворота во внешней политике США, фактическим признанием несостоятельности политики интервенционизма, разжигания международно-политических кризисов и «холодной войны», которая на протяжении послевоенной четверти века лежала в основе внешнеполитического курса Вашингтона.

Поворот в сегодняшнем мире от «холодной войны», конфронтации и напряженности к разрядке, упрочению безопасности и международному сотрудничеству был обусловлен многими факторами. При этом, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, «главное здесь — общее изменение в соотношении сил на мировой арене. Изменение в ущерб сторонникам «холодной войны», гонки вооружений, любителям всякого рода военных авантюр, изменение в пользу сил мира и прогресса»¹. Такое изменение в глобальном соотношении сил состоит из нескольких главных компонентов. Во-первых, это — укрепление сил СССР и других стран социалистического содружества, вносящих огромный вклад в дело упрочения мира. Во-вторых, это — значительная роль в происходящих в сегодняшнем мире позитивных сдвигах многочисленных государств, сбросивших колониальное иго и добившихся национальной независимости. В-третьих, это — активное участие народных масс, их политических партий и других организаций в решении проблем мира и войны. И, наконец, в-четвертых, это те реалистические тенденции, которые проявились в политике влиятельных кругов западных стран, в частности США.

Поворот к реализму совершается в США в сложных условиях острой внутривнутриполитической борьбы. Определенные представители правящего класса, правые и ультраправые силы активно противятся этому повороту. Большие надежды возлагают они на международные конфликты и периодически вспыхивающие кризисы, сотрясающие всю систему международных отношений и несущие в себе угрозу международной безопасности. Расчет сделан на инерцию «кризисной политики» и

¹ Л. И. Брежнев. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. М. 1974, стр. 8.

«кризисной дипломатии», традиционно, на протяжении многих лет представлявших собой одну из главных форм применения США силы на международной арене.

Существенный интерес поэтому представляет история зарождения и развития «кризисной политики» США, то есть политики США в международно-политических кризисах (особенно до развертывания массовой американской агрессии в Индокитае во второй половине 1960-х годов — последующий период достаточно подробно изучен). Благодаря опубликованию в последние годы ряда документов, мемуаров и исследований, авторами которых являются непосредственные участники выработки внешнеполитического курса США, имеется возможность уточнить многие существенные аспекты этого процесса. Рассмотрение эволюции «кризисной политики» США позволяет не только понять особенности и характер интервенционистской тенденции во внешней политике США, но и уяснить масштабы и глубину новых, реалистических моментов в поведении США во время международных кризисных ситуаций.

Подход США к международно-политическим кризисам воплощается обычно в господствующих в каждый данный момент военно-политических доктринах (военных стратегиях) и является одним из главных элементов этих доктрин и стратегий. Поэтому исследование эволюции «кризисной политики» и «кризисной дипломатии» США логично провести через призму эволюции этих доктрин и стратегий. Одновременно с эволюцией доктрин изменялись и принципы «кризисной политики». В основе этих изменений на протяжении трех послевоенных десятилетий лежало присущее военно-политической стратегии США противоречие между традиционной тенденцией к применению силы или угрозы силой для достижения своих целей в международно-политических кризисах, с одной стороны, и комплексом препятствующих этому факторов, основным из которых является постоянное изменение в глобальном соотношении сил — с другой.

Вследствие роста и совершенствования арсеналов оружия массового уничтожения, накопления гигантских запасов ядерного оружия и средств его доставки постоянно возрастала угроза международных кризисов для мира (а значит, и для самих Соединенных Штатов). Уже с конца 50-х годов в США быстро развивался процесс осознания того факта, что в наше время любой крупный международный кризис может при определенных условиях выйти из-под контроля и перерасти в конфликт, в котором будет поставлено под вопрос и само существование Соединенных Штатов. И это не могло не оказывать сдерживающего влияния на творцов внешней политики США. Вместе с тем в процессе острых международных кризисов их инициаторы — силы империализма и реакции — все сильнее ощущали, насколько сужаются возможности для проведения агрессивной политики в современном мире, насколько возрастают размеры «платы» — военной, политической, экономической и иной — за предпринимаемые интервенционистские акции.

Эти факторы воздействовали на «кризисную политику» США, то есть на их подход к международным конфликтам и кризисам, двояко. С одной стороны, они порождали стремление выработать новые формы более «экономичного» и «эффективного» проведения своего курса в кризисных ситуациях, с другой — вынуждали учитывать реальности и трудности, идти на компромиссы, а затем и на признание целесообразности поиска путей к урегулированию и прекращению международных кризисов.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов правящие круги США исходили из неизбежности всеобщей войны против СССР и других стран социалистической системы, соответствующим образом готовились к этой

войне, формулируя основную военно-политическую доктрину². США в первые послевоенные годы не располагали еще детально разработанной стратегией, предусматривающей использование вооруженных сил на разных уровнях и в разных ситуациях. Речь шла о том, чтобы напрячь силы для решающей схватки, наступление которой ожидалось в близком будущем. Слепая вера в американское всемогущество основывалась почти исключительно на атомной монополии и в меньшей степени — на экономической мощи США. Г. Киссинджер подчеркивал в этой связи, что «американская стратегическая мысль в послевоенный период начиналась как продолжение принципов второй мировой войны»³. По словам Д. Кеннана, Пентагон в этот период в своих новых военных планах «все еще продолжал вести старую (вторую мировую.— В. Ж.) войну»⁴. Авторы модной тогда концепции «превентивного» или какого-либо иного атомного удара по Советскому Союзу считали возможность использования военной мощи США в мирное время в политических целях второстепенной или несущественной по сравнению с подготовкой атомной атаки против социалистического мира.

Что же касается кризисных ситуаций, которые возникали в отношениях между государствами, то, как писал Г. Трумэн 5 января 1946 г. государственному секретарю Дж. Бирнсу, Советскому Союзу следовало противопоставить «железный кулак и жесткий язык»⁵. В официальных заявлениях Трумэн называл это «позицией твердости»⁶. Расчет делался на то, чтобы добиваться от Советского Союза уступок, угрожая ему массированным нападением, и быть готовыми быстро перейти от угроз к осуществлению такого нападения, то есть к мировой войне.

С конца 60-х годов государственный департамент начал публикацию внешнеполитических архивов первых послевоенных лет в много-томной серии (более 10 томов документов каждого года) «Внешняя политика Соединенных Штатов». Особый интерес представляют первый том каждого года — «Общие проблемы. Объединенные нации» и том, посвященный политике США в отношении СССР и стран Восточной Европы. (До конца 1974 г. вышли первые тома по 1947 г. включительно и тома, посвященные СССР и Восточной Европе по 1948 г. включительно). Рассекреченные документы Комитета начальников штабов, государственного департамента и других органов США, участвующих в формулировании и реализации внешней и военной политики, полностью подтверждают данную выше оценку американской стратегии.

В совершенно секретном меморандуме Комитета начальников штабов от 19 сентября 1945 г. (спустя полмесяца с небольшим после капитуляции Японии!), озаглавленном «Базис для формулирования военной политики США», подчеркивалось, что в случае возникновения острых кризисных ситуаций в отношениях с «потенциальными вражескими державами» (имелся в виду СССР) правительство США «должно добиваться быстрого политического решения, в то же время делая все приготовления к тому, чтобы, если будет необходимо, нанести пер-

² Несостоятельны заявления многих государственных деятелей США по поводу того, что такой курс был взят не сразу после войны, а позже — то ли в 1947 г., то ли в годы корейской войны. Подобные заявления опровергаются неоднократными признаниями американских руководителей того периода, в частности, президента Г. Трумэна. Так, пропагандируя в 1947 г. «доктрину Трумэна», он указывал: «Это не было внезапное решение, которое совершилось за 5 минут. Оно созрело длительное время с того самого момента, как немцы капитулировали». Далее Трумэн говорил, что такая линия «развивалась на протяжении ряда лет» («Public Papers of the Presidents of the United States. H. Truman. 1947». Washington. 1963, pp. 209, 201).

³ «Problems of National Strategy». Ed. by H. Kissinger. N. Y. 1965, p. 10.

⁴ G. K e n n a n. Memoirs. Vol. II. 1950—1963. Boston. 1972, p. 90.

⁵ H. T r u m a n. Memoirs: Year of Decisions. Vol. I. N. Y. 1955, p. 552.

⁶ «Public Papers of the Presidents of the United States. H. Truman. 1947», p. 470.

вый удар»⁷. Это пока одно из немногих официальных признаний подготовки США к «превентивному» удару в самом начале послевоенного периода. Характерно, что меморандум Комитета начальников штабов стал предметом особого обсуждения в государственном департаменте. В протоколах (также совершенно секретных) заседания руководящих работников госдепартамента обращалось внимание на то, что «подобные операции были бы по своим целям превентивными»⁸. При этом в меморандуме Комитета начальников штабов подчеркивалось, что США должны создать разветвленную систему военных баз, укрепить своих союзников и иметь «самые высокообразованные в мире силы, располагающие наилучшим вооружением и так размещенные стратегически, чтобы они могли обрушиться на истоки военной мощи противника»⁹. Таким образом, широкая система мероприятий по укреплению американского господства в западном мире, осуществлявшаяся в первые послевоенные годы в рамках концепции «сдерживания коммунизма», «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла», в сфере военной политики сопровождалась стратегией, нацеленной на подготовку США к глобальному конфликту с СССР.

Однако в процессе острых международно-политических кризисов первых послевоенных лет (таких, например, как берлинский 1948 — 1949 гг.) руководящие круги США не могли не ощущать мощь и решительность противостоящих им сил, а значит, и крайне опасных последствий глобального конфликта, к которому они готовились. В 1949 г. была похоронена атомная монополия США: 25 сентября 1949 г. ТАСС сообщил о том, что СССР располагает атомным оружием¹⁰. Как отмечал в своем полугодовом отчете министр обороны Л. Джонсон, «наиболее значительным событием... было заявление президента Соединенных Штатов от 23 сентября 1949 г. о том, что в Советском Союзе произошел атомный взрыв. Последствия этого исторического объявления, сообщившего об окончании нашей монополии на атомную мощь, исключительно серьезны». Джонсон добавлял далее: «Мы знали, что обладание атомным секретом быстро движется к концу, но надо откровенно признать, что это событие произошло раньше, чем ожидалось»¹¹. Примерно тогда же, в начале 50-х годов, американские стратеги начали исходить в своих расчетах и из того, что СССР имеет необходимые межконтинентальные средства доставки атомного оружия¹². В подобной обстановке, в условиях, когда быстро укреплялся весь военно-экономический потенциал социалистического содружества, США уже не могли рассчитывать на безнаказанное разжигание международно-политических кризисов.

Первая крупная попытка свести все эти противоречивые подходы в более или менее четко сформулированную стратегию была предпринята по указанию Г. Трумэна в начале 1950 г. объединенной группой госдепартамента и министерства обороны США, руководимой директором группы планирования политики госдепартамента П. Нитце. Сформулированная этой группой стратегическая концепция не получила таких громких названий, как последующие («массированное возмездие», «гиб-

⁷ «Foreign Relations of the United States, 1946». Vol. I. General, United Nations. Washington. 1972, pp. 1162, 1163.

⁸ Ibid., p. 1127.

⁹ Ibid., p. 1163.

¹⁰ «Известия», 25 IX 1949.

¹¹ «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. July 1 to December 31, 1949». Washington. 1950, p. 1. В середине 50-х годов б. директор группы планирования политики госдепартамента П. Нитце говорил, что США рассчитывали на гораздо более длительную «атомную монополию». «Тенденция к недооценке советских возможностей заставила кое-кого верить, что она будет длиться больше, чем это произошло на самом деле» (P. Nitzze. U. S. Foreign Policy. 1945—1955. N. Y. 1956, p. 29).

¹² «The Use of Force. International Politics and Foreign Policy». Ed. by R. Art, K. Waltz. Boston. 1971, p. 13.

кое реагирование» и т. п.), и вошла в историю под названием «СНБ-68» (порядковый номер документа в Совете национальной безопасности)¹³. Тем не менее в ней содержались, хотя и в сжатом виде, все основные элементы стратегии Трумэна — Ачесона начала 50-х годов.

Утвержденный Советом национальной безопасности 25 апреля 1950 г. в качестве документа, формулирующего «государственную политику»¹⁴, доклад «СНБ-68» отражал растерянность руководящих кругов США в результате потери атомной монополии и краха расчетов на американское всемогущество. В докладе предлагалось развернуть широкую программу военных приготовлений, рассчитанных как на ведение войн различных типов, так и на использование силы для давления на своих противников. Государственный секретарь США Д. Ачесон в своем выступлении 29 ноября 1950 г. в Кливленде говорил, что была поставлена задача «быстро нарастить военную силу». Речь шла, по его словам, о «чрезвычайном увеличении масштабов и темпов этих усилий»¹⁵. «Нынешняя военная политика Соединенных Штатов,— подчеркивал министр обороны Дж. Маршалл,— предусматривает организованное и быстрое расширение их вооруженных сил»¹⁶. Таким образом, «СНБ-68» был призван легализовать и организационно оформить уже начатую Соединенными Штатами гонку вооружений (в докладе предлагалось выделить на эти цели 20% валового национального продукта!).

Составители стратегических планов США исходили из того, что подготовка к развязыванию большой войны должна быть завершена к 1952 году. Формально в этих планах не было речи о начале войны. По свидетельству Дж. Кеннана, бывшего тогда советником госдепартамента, «еще до корейской войны наши военные — а в определенной степени и политические — планировщики приняли для целей военного планирования, вопреки моим настойчивым возражениям, год 1952-й как вероятный «пик» опасностей, к которым должны быть приурочены наши военные приготовления»¹⁷. Кеннан пытался, далее, оправдать этих «планировщиков», утверждая, что они вовсе не собирались начинать войну. Но это, конечно, не меняет сути дела. Авторы доклада предлагали ускорить подготовку США как к мировой ядерной войне (указание начать программу разработки водородной бомбы было дано Г. Трумэном в январе 1950 г. одновременно с распоряжением о подготовке доклада «СНБ-68»), так и к локальным, ограниченным войнам. В зародышевой форме концепция локальных войн была сформулирована авторами доклада при активном участии Дж. Кеннана, который призвал немедленно начать широкую подготовку к «ограниченным войнам с использованием неядерных сил»¹⁸. Одновременно авторы доклада предусматривали поддержание «позиции силы» для оказания политического давления на противников США.

По признанию многих американских официальных лиц и исследователей, доклад «СНБ-68» послужил «концептуальной основой», «схемой»

¹³ Документ этот тогда был засекречен, да и до настоящего времени текст его не опубликован. Тогда же, в начале 50-х годов, туманно намекалось, что-де «постоянно проводится изучение военных аспектов международных событий» в Совете национальной безопасности, министерстве обороны и других органах и т. п. («Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. January 1 to June 30, 1950». Washington. 1950).

¹⁴ D. Acheson. Present at the Creation. My Years in the State Department. N. Y. 1970, p. 488.

¹⁵ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents». Vol. I. Washington. 1957, p. 17.

¹⁶ «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. January 1 to June 30, 1951». Washington. 1951, p. 70.

¹⁷ G. Kennan. Op. cit., p. 91.

¹⁸ W. Schilling, P. Hammond, G. Snyder. Strategy, Politics and Defense Budgets. N. Y. 1962, p. 311.

для развертывания вооруженных сил США и огромного расширения военной машины во время агрессии США в Корею (1950—1953 гг.)¹⁹. Как подчеркивал Г. Трумэн в ежегодном послании «О положении страны» от 9 января 1952 г., только за 1951 г. США увеличили численность своих вооруженных сил более чем на 1 млн. человек. А всего к концу этого года по сравнению с периодом, предшествовавшим корейской войне, численность вооруженных сил США выросла, как отмечал Трумэн в бюджетном послании от 21 января 1952 г., более чем вдвое, в то время как производство вооружения увеличилось в пять раз!²⁰ Численность вооруженных сил увеличилась с 1,46 млн. в 1950 г. до 3,56 млн. в 1953 г., значительно выросли сухопутные войска (с 10 дивизий в 1950 г. до 20 дивизий в 1953 г.), ВВС и ВМФ. Число дивизий морской пехоты увеличилось с двух до трех. Военные расходы возросли более чем в четыре раза — с 11,9 млрд. долл. в 1950 г. до 47,7 млрд. долл. в 1953 году²¹. Министр обороны США Р. Ловетт отмечал в этой связи, что «никогда ранее американский народ (читай: Вашингтон.— В. Ж.) не предпринимал столь обширной кампании перевооружения в мирное время». Ловетт признавал, что «крупные ассигнования на перевооружение возлагают тяжелое бремя на американский народ»²². При всем этом, расширив до гигантских для того времени масштабов военную машину США, Вашингтон оказался не в состоянии добиться своих целей в Корее.

Агрессия США в Корее дала толчок серии международно-политических кризисов, в ходе которых, как и во время предшествовавших им кризисов в Европе, Вашингтон неоднократно подходил к опасной черте глобального конфликта. В руководящих кругах США, особенно в среде генералитета, было немало носителей ультравоинственных настроений, они призывали перейти эту черту, пустив в ход в Корею ядерное оружие. Так, Д. Макартур предлагал атаковать в начале 1951 г. Китай и создать «радиоактивное поле» вдоль реки Ялу, то есть вдоль границы между Маньчжурией и Кореей²³. Однако страх перед возможными ответными действиями СССР удержал руководство США. Эти призывы были отвергнуты лидерами США, начинавшими сознавать, сколь тяжелыми последствиями обернулось бы это прежде всего для их собственной страны.

В результате этих неудач в военных и политических кругах США в начале 50-х годов постепенно вырабатывается такой подход к применению силы, в частности в международных конфликтах и кризисах, который предусматривал не только ситуацию войны, но и широкое и рассчитанное использование военной силы для достижения своих целей в мирное время. Иными словами, еще тогда в первичной форме была сформулирована стратегия «массированного возмездия». Так, министр обороны Л. Джонсон в 1950 г. говорил о «неразделимом переплетении» внешней и военной политики США: «позиция мирового руководства, которую занимает данная нация (США.— В. Ж.), может быть поддержана только при помощи соответствующего баланса между внешней и военной политикой»²⁴. Он призывал наращивать военную мощь США с тем, что-

¹⁹ S. Brown. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. N. Y. 1968, p. 53; M. Halperin. Defense Strategies for the Seventies. Boston. 1971, p. 40.

²⁰ «Documents on American Foreign Relations. 1952». N. Y. 1953, p. 11.

²¹ «The Economics of Defense Spending. Department of Defense». Washington. 1972, pp. 8—10. Здесь и далее приводятся лишь фактические расходы министерства обороны США. Военные расходы по другим ведомствам не учитываются.

²² «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. July 1 to December 31, 1951». Washington, 1952, p. 4; «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. January 1 to June 30, 1952». Washington, 1952, p. 5.

²³ D. MacArthur. Reminiscences. N. Y. 1964, pp. 379, 384.

²⁴ «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. July 1 to December 31, 1949». Washington. 1950, p. 11.

бы использовать ее в мирное время для достижения внешнеполитических целей. В том же 1950 г. министр ВВС Т. Финлеттер писал, что «находящиеся в постоянной боевой готовности эффективные стратегические ударные силы» являются «величайшим средством сдерживания путем устрашения»²⁵. Он говорил о «способности» ВВС США к нанесению «мощных ударов возмездия»²⁶ и впоследствии неоднократно призывал развивать способность к «быстрому и сокрушительному возмездию»²⁷.

Пока это были лишь отдельные элементы будущей стратегии «массированного возмездия»²⁸. Она вызревала в Вашингтоне постепенно, а официальное провозглашение ее открыло новый этап в развитии военно-политических доктрин США и их подходе к международно-политическим кризисам. Период стратегии «массированного возмездия» (1953—1960 гг.) ознаменовался созданием первой полностью сформулированной доктрины США, рассчитанной не только на всеобщую войну, но и предусматривавшей продуманное использование военной мощи как орудия политики в мирное время.

Стратегия «массированного возмездия» нашла свое официальное выражение в серии лозунгов, выдвинутых Д. Ф. Даллесом 12 января 1954 г. в нью-йоркском Совете по внешним сношениям — одним из самых влиятельных в США центров исследования внешней политики и международных отношений. Формулируя доктрину в виде стандартных пропагандистских клише, изображавших США защитником Запада от «агрессии» коммунистов, Даллес заявил, что «локальная оборона должна быть подкреплена дополнительным сдерживанием путем устрашения — массированной мощью возмездия». Он разъяснял, что США намерены «полагаться главным образом на большую способность осуществить возмездие немедленно с помощью средств и в местах по нашему собственному выбору». И далее: «Это позволяет нам провести отбор средств вместо умножения их числа. В результате теперь можно добиться большей фундаментальной безопасности и разделить ее с другими за меньшую цену»²⁹. Хотя Даллес прямо не назвал ядерным то оружие, которое США собирались использовать «по собственному выбору», было件件но, что именно оно имеется в виду.

Речь шла о разрешении всех международно-политических кризисов одним способом — ядерным ударом. Позднее в американской литературе развернулась полемика вокруг вопроса: насколько далеко увлекла Даллеса его склонность к риторике и позе. Он сам выступал с заявлениями, в которых пытался доказать, что не исходил из столь жесткого, однозначного подхода (в частности, в статье «Политика, направленная на обеспечение безопасности и мира», опубликованной в апрельском номере журнала «Foreign Affairs» за 1954 г. — органа Совета по внешним сношениям). Но если отвлечься от фразеологии Даллеса, то следует отметить, что он довольно точно отразил существо подхода,

²⁵ «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. January 1 to June 30, 1950». Washington, 1950, p. 144.

²⁶ «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. July 1 to December 31, 1950». Washington, 1950, p. 29.

²⁷ «Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. July 1 to December 31, 1952». Washington, 1953, p. 34.

²⁸ Впоследствии Р. Макнамара в своем выступлении в экономическом клубе в Нью-Йорке (18 ноября 1963 г.) особо указывал на тесную связь военных концепций конца 40-х — начала 50-х годов со стратегией «массированного возмездия». «Стратегический ландшафт перед началом 50-х годов», по его словам, «практически» базировался для США на «американской монополии в области обеспеченного доставкой стратегического ядерного оружия». На протяжении большей части 50-х годов стратегия США «исходила из ядерной монополии Запада» («ядерного жала», как говорил Макнамара), хотя на самом деле ее уже давно не было («Documents on American Foreign Relations, 1963». N. Y. 1964, pp. 70—71).

²⁹ «The Department of State Bulletin», January 25, 1954, p. 108.

принятого администрацией Д. Эйзенхауэра и получившего название «новый курс»³⁰.

Основные положения стратегии «массированного возмездия» были изложены в меморандуме Совета национальной безопасности «СНБ-162/2», одобренным президентом Эйзенхауэром в октябре 1953 года. В основу меморандума лег доклад Комитета начальников штабов, подготовленный под руководством председателя этого комитета адмирала А. Редфорда и представленный Совету национальной безопасности в конце лета 1953 года. Меморандум был вторым вариантом документа, формулирующего новую стратегию (отсюда номер 162/2). Первый вариант был подготовлен тремя межведомственными группами под общим руководством заместителя государственного секретаря У. Смита и специального помощника президента по национальной безопасности Р. Катлера. Этот вариант был отвергнут, так как в нем недостаточно четко была сформулирована концепция использования стратегических сил как главного орудия внешней политики США, хотя авторы доклада не пожалели усилий, расписывая «угрозу» со стороны СССР и предлагая продолжать наращивание вооруженных сил и вооружений, начатое прежней администрацией.

В документе «СНБ-162/2» было подчеркнуто, что выполнение главных военно-политических целей США возлагается на стратегические силы «массированного возмездия», и отмечено, что командующие американскими войсками могут рассчитывать на применение ядерного оружия, как тактического, так и стратегического, когда в этом будет военная потребность (это была явная уступка политического руководства США генералитету, который давно добивался такого права). В меморандуме рассматривались и локальные войны, причем упор был сделан на использование в них вооруженных сил союзников. США же должны были обеспечить союзникам главным образом авиационную и морскую боевую поддержку. Комитет начальников штабов обратил также внимание на создание мобильных сухопутных сил, которые могли быстро перебрасываться в районы конфликтов и быть в состоянии вести тактическую ядерную войну. При всем этом решающим оставалась готовность использовать (даже и в небольших конфликтах) всю стратегическую мощь США.

В соответствии с новой стратегией несколько изменилась структура вооруженных сил США (одна из целей авторов «нового курса» состояла в сокращении военного бюджета за счет количественного уменьшения сил общего назначения и общего повышения эффективности вооруженных сил³¹). За годы действия стратегии «массированного возмездия» резко выдвинулись стратегические силы, входившие главным образом в состав ВВС³², удвоилось число эскадрилий тяжелых стра-

³⁰ «Новый курс» в военном планировании и строительстве вооруженных сил был сформулирован в ряде выступлений президента Д. Эйзенхауэра (в частности, на его пресс-конференции от 30 апреля 1953 г.), министра обороны Ч. Вилсона (заявление о военном бюджете 1954 г.) и председателя Комитета начальников штабов адмирала А. Редфорда, особенно в его выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне 14 декабря 1953 года.

³¹ Как подчеркивал Д. Эйзенхауэр в 1953 г. в своем специальном послании конгрессу о реорганизации министерства обороны («План № 6»), его политика была нацелена на то, чтобы получить «максимум эффективности при минимуме затрат» («Public Papers of the Presidents of the United States. D. Eisenhower. 1953». Washington. 1960, p. 227). Впоследствии на пентагоновском жаргоне это стало называться «больше взрыва на доллар».

³² В процессе «пересмотра стратегических планов», как подчеркивал министр обороны Ч. Вилсон в своем докладе о программах 1953 г., было «обращено повышенное внимание на развитие военно-воздушной мощи, она, по словам министра ВВС Х. Талботта, становилась «ключевой» в военных программах США («Department of Defense. Semiannual Report of the Secretary of Defense. July 1 to December 31, 1953». Washington. 1954, pp. 6, 29). «Главное внимание сегодня обращено на создание, под-

тегических бомбардировщиков (при их качественном совершенствовании), были поставлены на вооружение первые стратегические межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и санкционирована программа строительства таких ракет типа «Минитмен», спущены первые атомные подводные лодки с ракетами «Поларис». Одновременно была несколько сокращена численность сухопутных войск (с 20 дивизий в 1953 г. до 14 дивизий в 1961 г.) и общая численность вооруженных сил (соответственно — с 3,56 млн. до 2,48 млн. человек)³³.

Стратегия «массированного возмездия», в целом усиливавшая опасность войны, была в то же время глубоко противоречивой. С одной стороны, она предполагала широкое использование мощи США как главного средства для достижения их империалистических целей в мирное время или в процессе локальных конфликтов, не доводя их до всеобщей ядерной войны, катастрофический характер которой так или иначе сознавали авторы доктрины. Так, Даллес говорил, выступая 22 апреля 1957 г. в агентстве Ассошиэтед Пресс в Нью-Йорке: «Современное оружие обладает такой гигантской разрушительной мощью, что не может быть настоящего «победителя», если произойдет всеобщая война»³⁴. Выступая 14 января 1959 г. в сенатской комиссии по иностранным делам, он подчеркивал: «Война влечет за собой неприемлемый риск для всего человечества». Сознал Даллес и иные последствия политики разжигания войны. Еще в 1950 г. в своей книге «Война или мир» он признавал, что «существует всемирное моральное осуждение войны, каково до этого не было никогда», что «сейчас, после второй мировой войны, моральное осуждение войны стало таким всеобщим и таким интенсивным, что приходится считаться с ним, как никогда раньше»³⁵.

Силу теперь предполагалось применять несколько иначе, чем в период действия прежней стратегии, рассчитанной главным образом на «горячую войну». В новой стратегии центр тяжести в политике США во время международных конфликтов и кризисов переносился на угрозу силой (хотя, конечно, не исключалось и ее прямое применение). Применение угрозы силой для достижения целей США на международной арене было сформулировано в концепции «детерренса» — «сдерживания путем устрашения».

Главное противоречие стратегии «массированного возмездия» состояло в том, что ее основные авторы — Д. Даллес, А. Редфорд и другие, уже несколько изменив подход США к применению силы, продолжали мыслить категориями ядерной войны против СССР и других стран социалистической системы. Не желая признавать очевидную безнадежность для США такой войны, эти деятели положили в основу стратегии политику запугивания противника именно ядерным ударом, то есть возможностью глобального конфликта. Согласно этой концепции, в каждом международно-политическом кризисе США должны были подводить своих соперников на грань мировой ядерной войны. Такой подход, может быть, и имел бы смысл при столкновении со слабым противником, не располагавшим ядерным оружием. Однако авторы этой стратегии нацелили ее против СССР и всего социалистического содружества, мощный потенциал которого был им хорошо известен. 20 августа 1953 г. было опубликовано сообщение Советского правительства об

держание и использование современной военно-воздушной мощи», — указывал председатель Комитета начальников штабов А. Редфорд и провозглашал, что «нация (США. — В. Ж.) будет поддерживать национальную военно-воздушную мощь, которая будет превосходить подобную мощь любой другой нации в мире» («Documents of American Foreign Relations. 1953». N. Y. 1954, pp. 65, 66).

³³ «The Economics of Defense Spending. Department of Defense», pp. 9—10.

³⁴ «Documents on American Foreign Relations. 1957». N. Y. 1958, p. 37.

³⁵ «Documents on American Foreign Relations. 1959». N. Y. 1960, p. 15; J. Dulles. War or Peace. N. Y. 1957, p. 262.

испытании в Советском Союзе водородной бомбы. Испытание водородной бомбы в США было проведено несколько позже. Вынужденный отвечать на развязанную Западом гонку вооружений, СССР (по признанию многих американских специалистов) быстро продвигался вперед и в совершенствовании средств доставки, что было подтверждено запуском в октябре 1957 г. первого советского спутника Земли.

В поисках выхода из этого тупика авторы стратегии «массированного возмездия» пытались возложить свои надежды на тактическое ядерное оружие. В 1957 г. Даллес писал, что «можно изменить характер ядерного оружия. Представляется, что теперь его применение не обязательно приведет к гигантским разрушениям и огромному вреду для человечества. Недавние испытания указывают на возможность обзавестись таким ядерным оружием, разрушительная сила и радиоактивный эффект которого могут быть в значительной мере ограничены воздействием на заранее намеченные цели»³⁶. Даллес доказывал, что создание тактического ядерного оружия расширяет диапазон возможностей применения силы в кризисах. Главным средством достижения целей агрессоров в их планах продолжало при этом оставаться массированное применение стратегического оружия.

Однако применение стратегии «массированного возмездия» против социалистического содружества неизбежно должно было привести к результатам, прямо противоположным тем, на которые рассчитывали его инициаторы. Запугивание ядерной войной в процессе локальных международных конфликтов и международно-политических кризисов грозило в решительный момент обернуться против агрессоров. Главным средством достижения их целей оказалось такое средство, применить которое они не могли себе позволить, учитывая угрожающие им самим последствия. В конечном счете в ходе разворачивания таких кризисов, порожденных агрессивной политикой США и их союзников, Вашингтон, подобно «пожарной команде», по меткому выражению сенатора Дж. Кеннеди, наспех выработавший и довольно сумбурно осуществлял свой внешнеполитический курс³⁷. Так было, в частности, в наиболее крупных кризисах того периода — в Индокитае (поражение французской армии под Дьен Бьен Фу в 1954 г.), на Ближнем Востоке в 1956 г. во время агрессии Израиля и его союзников против Египта и в ходе кризиса 1958 г., вызванного интервенцией США в Ливане и Англии в Иордании.

Неудачи стратегии «массированного возмездия», в частности в сфере ее применения к международно-политическим кризисам, вызвали в конце 50-х годов ожесточенную критику в ее адрес со стороны отдельных представителей влиятельных политических, военных и научных кругов США. Против нее выступили такие политические деятели, как сенатор Дж. Кеннеди, бывший государственный секретарь Д. Ачесон, генералы М. Тэйлор, Д. Гэвин, М. Риджуэй, ученые Г. Киссинджер, У. Кауфман, О. Осгуд, Б. Броди и др. Они обвиняли инициаторов стратегии «массированного возмездия» в том, что те сковали военные возможности США. «Наш единственный выбор состоит теперь в том, — писал Д. Ачесон, — чтобы либо сделать все и привести к опустошению, при котором мы можем не выжить, или не делать ничего». Это рецепт провала, «стратегия самоубийства»³⁸, подчеркивал Д. Ачесон: раз отпадала возможность осуществить угрозу применения силы, то исчезало, говоря словами американских специалистов, и «правдоподобие» угрозы, а значит, и ее действительность.

Именно поэтому в процессе международно-политических кризисов руководители внешнеполитической и военной машины США вынуждены

³⁶ «American Foreign Policy. 1957. Current Documents». Washington. 1961, p. 41.

³⁷ J. Kennedy. The Strategy of Peace. N. Y. 1960, p. 63.

³⁸ D. Acheson. Power and Diplomacy. Cambridge. 1958, pp. 51, 37.

были систематически отступать от принципов провозглашенной ими же самими стратегии. Они спазматически бросались от ядерных угроз (Даллес и Редфорд во время штурма вьетнамской Народной армией Дьен Бьен Фу в 1954 г.), которые они не могли осуществить, опасаясь ответного удара, к интервенционистским акциям, завершившимся также неудачей. Как писали критики стратегии, провозглашенной администрацией Эйзенхауэра, когда «возникла угроза войны из-за Индокитая, Ливана, островов Куэмой и Мацзу, Берлина, администрация либо воздерживалась от действий, либо отчаянно собирала обычные силы, чтобы с их помощью управлять ситуацией»³⁹.

Разумеется, критики из состава «кистэблишмента» атаковали стратегию «массированного возмездия» отнюдь не с позиций миролюбия или конструктивной перестройки внешнеполитического курса США в направлении международного сотрудничества. Стратегия эта подвергалась нападкам за недостаточную эффективность, включая (и в очень большой мере) неэффективность интервенционизма, организации опасных военных акций, разжигания международных конфликтов. Критиковали авторов стратегии и за сокращение численности вооруженных сил.

В последние годы действия стратегии «массированного возмездия» колебались даже Д. Даллес и Д. Эйзенхауэр. Уйдя с поста президента, Эйзенхауэр признавал целесообразность отказа от «массированного возмездия». Д. Даллес в ряде своих выступлений в последние годы жизни явно отступал от стратегии «массированного возмездия». Так, 27 октября 1956 г. (выступление в Совете по мировым проблемам в г. Далласе) он призывал развивать способность США к таким военным действиям, которые бы «не порождали всеобщую ядерную войну», иметь военную силу, «достаточно сбалансированную и достаточно гибкую». Он говорил далее, что «было бы безрассудным риском делать ставку на один вид вооружения» и т. п. Выступая 22 апреля 1957 г. в Нью-Йорке, он подчеркивал, что «главным средством сдерживания — устрашения» является «мобильная мощь возмездия», но тут же добавлял: «Но масштабы ее использования будут, конечно, зависеть от обстоятельств». Более того: «Было бы безрассудно и рискованно сделать ставку только на один аспект военной мощи. Должны быть сухопутные, морские и военно-воздушные силы для локальных акций»⁴⁰.

В свою очередь, критики стратегии «массированного возмездия» (в большинстве своем авторы пришедшей ей на смену стратегии «гибкого реагирования») не отказывались целиком от всех прежних установок. Это относилось в первую очередь к заложенной в ней концепции «сдерживания путем устрашения». Эта концепция в последующий период надолго легла в основу отношения США к международным конфликтам и международно-политическим кризисам. Ее существо состоит в том, что США должны применять на международной арене силу — прежде всего военную — или угрозу ее использования против своих противников, чтобы быть в состоянии добиться своих целей (и в первую очередь заставить своих противников отступать в международных конфликтах и международно-политических кризисах без большой войны, а если удастся, то и вообще без войны). Иными словами, речь шла о приспособлении старого экспансионистского курса к новым мировым реальностям, главной из которых стал самоубийственный характер политики, направленной на развязывание новой мировой войны.

Концепция «сдерживания» была детально разработана в середине и во второй половине 50-х годов такими специалистами по военной политике США, как Г. Снайдер, У. Кауфман, Г. Киссинджер, М. Каплан,

³⁹ W. Kaufman. The McNamara Strategy. N. Y. 1964, p. 27.

⁴⁰ «Documents on American Foreign Relations. 1956». N. Y. 1957, pp. 41, 42; «Documents on American Foreign Relations. 1957». N. Y. 1958, p. 37.

Т. Шеллинг, Г. Кан, Б. Броди, Т. Милберн, А. Уолстеттер и др. Элементы такого подхода еще в начале 50-х годов появились в политике США и в соответствующих документах, в частности в меморандуме «СНБ-68». Концепция «сдерживания путем устрашения» осуществлялась в период стратегии «массированного возмездия» и получила более полное развитие в стратегии «гибкого реагирования», принятой в начале 60-х годов администрацией президента Кеннеди. Со временем концепция «сдерживания» стала охватывать все виды военных приготовлений Соединенных Штатов — от подготовки к всеобщей ядерной войне (под лозунгом «сдерживания» такой войны) до активного осуществления интервенционистской политики в тех или иных отдаленных районах мира или военных демонстраций в ходе международно-политических кризисов.

Одной из основных форм применения концепции «сдерживания путем устрашения» в повседневной международной жизни стала «кризисная политика», определившая линию США в международных конфликтах и международно-политических кризисах. Именно в этой сфере усердно потрудились авторы концепции «сдерживания». Был разработан детальный набор методов применения силы, не доводящих до военного столкновения. В основе такой «кризисной политики» (как подчеркивал один из ведущих авторов концепции «сдерживания путем устрашения», профессор Денверского университета Г. Снайдер) лежит тщательно разработанная «методология» угроз и демонстрации силы. Снайдер признавал, что в условиях, когда «цена всеобщей войны стала несоизмерима с почти любой мыслимой политической целью и даже ограниченное применение силы сопряжено со значительным риском», эта «методология» предлагается как эффективный «заменитель» войны⁴¹.

Авторы концепции перечисляли многочисленные виды угроз — в форме деклараций и заявлений, утечки информации, тех или иных действий и, наконец, блефа. В этой связи профессор Принстонского университета О. Моргенштерн писал: «Слово «возмездие», используемое в этом смысле, является только более респектабельным заменителем обычно презируемого слова «шантаж»⁴².

Особое внимание было уделено проблеме «правдоподобия» угроз, разделенной на две части: «правдоподобия возможностей» и «правдоподобия намерений». «Первое характеризуется тем, насколько большей представляется способность государства выполнить свои угрозы, второе — тем, насколько большей представляется его готовность осуществить их»⁴³. Однако если доводить эти рассуждения до логического конца, то решающим, окончательным способом доказать «правдоподобие» угрозы является ее исполнение. К готовности ее осуществить и призывали авторы концепции, подчеркивая, как это делал, например, У. Кауфман, что США должны быть готовы «принять на себя ответственность за выполнение той акции, которую они использовали как угрозу»⁴⁴, то есть прибегнуть к войне.

Многие сторонники применения концепции «сдерживания путем устрашения» в международно-политических кризисах признавали огромную опасность подобного рода предприятий, писали об «угрозе чудовищного опустошения», «смертельном риске», который в современной обстановке, говоря словами профессора Принстонского университета К. Норра, «делает каждый кризис опаснейшим испытанием воли двух сторон»⁴⁵. Сами авторы стратегии «массированного возмездия», тер-

⁴¹ G. Snyder. Deterrence and Defense. Princeton. 1961, p. 239.

⁴² O. Morgenstern. The Question of National Defense. N. Y. 1959, p. 30.

⁴³ «Theory and Research on the Causes of War». Ed. by D. Pruitt, R. Snyder. Englewood Cliffs, 1969, p. 107.

⁴⁴ «Military Policy and National Security». Ed. by W. Kaufmann. Princeton. 1956, p. 18.

⁴⁵ К. Норр. On the Uses of Military Power in the Nuclear Age. Princeton. 1966, pp. 108—109.

пя неудачи в осуществлении своего внешнеполитического курса и сознавая, какую опасность он представляет для самих Соединенных Штатов, в последние годы президентства Д. Эйзенхауэра стали проявлять элементы разумного подхода к современному миру, и в частности к отношениям с СССР. Даже Д. Даллес в эти годы высказывался за «полезные контакты и переговоры с коммунистами»⁴⁶ (выступление в сенатской комиссии по иностранным делам 14 января 1959 г.). В этот период наметились некоторые позитивные сдвиги в отношении США к проблеме ограничения вооружений и уменьшения угрозы войны, чему в огромной степени способствовало осознание масштабов угрозы, которую несут в себе международно-политические кризисы самой Америке. И все же главной тенденцией во внешнеполитическом курсе США в тот период продолжала оставаться политика «с позиции силы».

Третий период (1961—1968 гг.) в развитии военно-политических доктрин США после второй мировой войны был связан с появлением и эволюцией более модернизированной, чем прежние, стратегии «гибкого реагирования», содержавшей детальный набор рекомендаций об использовании мощи США для достижения их целей в мирное время. Стратегия «гибкого реагирования» была провозглашена в ряде посланий президента Дж. Кеннеди и заявлений министра обороны Р. Макнамары. Наиболее детально принципы ее были сформулированы в специальных посланиях президента США конгрессу о военном бюджете от 26 марта 1961 г., «О неотложных потребностях нации» от 25 мая 1961 г. и в заявлениях Р. Макнамары о военном бюджете и военных программах на 60-е годы.

Основные положения новой военно-политической доктрины были предложены еще в конце 50-х годов критиками стратегии «массированного возмездия». Они выступали против односторонности, характерной для стратегии «массированного возмездия», и предлагали, говоря словами Г. Киссинджера, «дифференцировать натиск»⁴⁷. А это означало ускоренное развитие как стратегических сил, так и обычных вооруженных сил, особенно предназначенных для ограниченных войн и вмешательства США в локальные конфликты и кризисы. «Наша военная программа,— писал генерал М. Тэйлор,— должна предусмотреть в качестве первоочередной задачи осуществление «срочных мер» в двух областях — в модернизации ядерных сил устрашения и их прикрытии и в создании специальных сил для ограниченной войны»⁴⁸. Или, как подчеркивал Р. Осгуд, необходимо развивать способности «вести как тотальную, так и ограниченную войну»⁴⁹. Иными словами, новая стратегия должна была полностью поглотить (что и произошло на самом деле) стратегию «массированного возмездия» и обеспечить возможности ведения войны на других уровнях — прежде всего локальных войн, которые США надеялись вести сравнительно безнаказанно под прикрытием ракетно-ядерного «щита» (Р. Макнамара в этой связи трактовал стратегию «гибкого реагирования» как «гибкое сдерживание», предусматривающее, по его словам, «большой выбор стратегии возмездия») ⁵⁰.

Авторы стратегии «гибкого реагирования» фактически признавали катастрофичность для США мировой ракетно-ядерной войны и в большей степени, нежели стратеги «массированного возмездия», учитывали реальное положение в мире. Тем не менее, как и в любой империалистической доктрине, здесь причудливо сочетались элементы признания реальности с упорным нежеланием считаться с очевидными факто-

⁴⁶ «Documents on American Foreign Relations. 1959». N. Y. 1960, p. 20.

⁴⁷ Г. Киссинджер. Ядерное оружие и внешняя политика. М. 1959, стр. 219.

⁴⁸ М. Тэйлор. Не надежная стратегия. М. 1961, стр. 152.

⁴⁹ Р. Осгуд. Ограниченная война. М. 1960, стр. 310—311.

⁵⁰ «Department of Defense. Annual Report for FY 1962». Washington. 1963, pp. 3, 4.

рами. Характерно, что, хотя главные новшества стратегии «гибкого реагирования» не касались мирового термоядерного конфликта, подготовка к этому конфликту продолжалась неослабевающими темпами — размеры стратегических вооружений США за период действия этой стратегии выросли более чем в 10 раз. В частности, за это время была развернута группировка межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен» (1 тыс. ракет), составляющая основу стратегической мощи США, и завершено создание флота стратегических атомных подводных лодок с баллистическими ракетами «Поларис»⁵¹. В период действия этой стратегии было санкционировано начало работ над следующим «поколением» ракет — межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) «Минитмен-III» и баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) «Посейдон» с разделяющимися головными частями индивидуального наведения.

Традиция стратегии «массированного возмездия» отчетливо проявилась в действиях руководящих кругов США во время такого сложнейшего международно-политического кризиса, каким был карибский (1962 г.). Нередко именно эта старая стратегия брала верх, и сами адепты стратегии «гибкого реагирования» сознательно приводили мир на грань термоядерного конфликта. Но все же в основе стратегии «гибкого реагирования» лежало стремление укрепить и усовершенствовать силы и средства для достижения империалистических целей США в локальных военных (в том числе и противопартизанских) и политических конфликтах. Концепция «сдерживания путем устрашения» была значительно расширена и усложнена (по словам Р. Макнамары, была создана «серия средств устрашения последовательно меняющейся интенсивности»⁵²). В арсенал «средств устрашения» были включены все имеющиеся у США виды вооруженных сил, причем часть их (нестратегические силы) предполагалось использовать в локальных интервенционистских акциях. Смирясь с невозможностью добиться своих целей путем всеобщей ракетно-ядерной войны и угрозы такой войной, авторы новой доктрины рассчитывали взять реванш в борьбе против антиимпериалистических сил на более низких уровнях конфронтации с ними.

Принятие новой стратегии привело к значительному росту общей численности вооруженных сил США, увеличению числа дивизий сухопутных войск, размеров ВВС и ВМС (которые были рассчитаны на ведение двух с половиной войн): одной в Европе, одной в Азии и интервенционистской акции меньших размеров в каком-либо другом районе мира). Как справедливо отмечает в этой связи известный американский специалист по военно-политическим проблемам М. Галперин, это был самый крупный рывок в развитии сил общего назначения после второй мировой войны: «Поэтому, когда президент Джонсон решил послать большое число войск США в Южный Вьетнам, эти силы были уже подготовлены и снабжены неядерным оружием»⁵³. Подготовка их была осуществлена раньше, в период развертывания обычных вооруженных сил на основе новой стратегии. В течение всего срока ее действия (с 1961 по 1968 г.) численность вооруженных сил США выросла с 2,48 млн. до 3,55 млн., количество дивизий сухопутных войск — с 14 до 18, дивизий морской пехоты — с 3 до 4, значительно увеличились состав ВВС и число боевых судов ВМС. Военные расходы США выросли с 44,6 млрд. долл. в 1961 г. до 78 млрд. долл. в 1968 году⁵⁴.

⁵¹ В период действия стратегии «гибкого реагирования» (1961—1968 гг.) были введены в строй 36 стратегических атомных подводных лодок. Ранее (до весны 1961 г.) вступило в строй пять таких лодок («Statement of Secretary of Defense M. Laird Before the House Armed Services Committee on the Fiscal Year 1972—76 Defense Program and the 1972 Defense Budget». Washington. 1971, pp. 155—157).

⁵² R. M c N a m a r a. The Essence of Security. N. Y. 1968, p. 60.

⁵³ M. H a l p e r i n. Defense Strategies for the Seventies. Boston. 1971, p. 48.

⁵⁴ «The Economics of Defense Spending. Department of Defense», pp. 8—10.

«Совершенствование» концепции «сдерживания» шло и по линии превращения этой концепции в еще более гибкое орудие империалистической политики — «кризисную дипломатию». В отличие от «сдерживания» образца 50-х годов последняя концепция представляла собой более сложный подход, включающий наряду с ее основными принципами (давлением, угрозами применения силы, опасными демонстрациями) и широкий набор средств, призванных обеспечивать и отступление и всякого рода маневры, не исключавшие определенного, хотя и весьма ограниченного, учета позиции другой стороны. В этом было своеобразие 60-х годов в развитии «кризисной политики» США. В предшествовавшем десятилетии развивались в первую очередь военные аспекты «сдерживания»; теперь же огромное внимание было уделено политическим аспектам. Впрочем, это не означает, что развитие военной основы концепции «сдерживания» замедлилось. Как отмечалось выше, оно осуществлялось быстрыми темпами.

Немалые усилия были приложены, чтобы усовершенствовать методы непосредственного применения военной силы в международно-политических кризисах. Один из многих примеров — это «лестница эскалации» Г. Кэна с его циничными рассуждениями о возможностях ядерных войн — «локальных», «ограниченных» и «центральных», «ядерных репрессалий», «демонстративных ядерных атак», «ядерных ударов по гражданскому населению» и т. п.⁵⁵ Таким образом, продолжало развиваться чисто милитаристское направление в подходе к «кризисной политике».

Одновременно настойчивые усилия были предприняты в сфере «кризисной дипломатии». Именно в 60-е годы, особенно в период администрации Дж. Кеннеди, это понятие было широко внедрено в политический лексикон и политическую практику США, хотя фактически «кризисная дипломатия» осуществлялась все послевоенные годы. Как отмечают американские исследователи, «администрация Кеннеди пыталась развить концепцию силы, которая могла бы быть использована как в высшей степени утонченный инструмент дипломатии». И далее: «Эта администрация уделяла гораздо больше внимания, чем когда-либо раньше, тому, чтобы обеспечить контролируемое выборочное применение силы. То, что постепенно родилось в годы Кеннеди из такой концепции, было набором принципов осторожного управления военно-дипломатическими кризисами»⁵⁶. Это вполне соответствовало политической манере администрации Кеннеди.

В отличие от военных концепций «кризисная дипломатия» никогда не была официально сформулирована как развернутый набор принципов, определяющих подход к международно-политическим кризисам. Однако на практике многократно повторялись некоторые характерные методы. Кроме того, «кризисная дипломатия» США значительно эволюционировала, особенно под влиянием карибского кризиса 1962 г., когда Вашингтон почувствовал, сколь грозными последствиями чреваты подобные ситуации. В основе «кризисной дипломатии» лежало использование силы, и прежде всего военной. Однако применение силы или угрозы силой предполагалось проводить в жизнь осторожно, путем тщательно рассчитанной «эскалации»⁵⁷. В выработку «кризисной дипломатии» был активно вовлечен научный потенциал страны. От специ-

⁵⁵ H. Kahn. On Escalation. N. Y. 1965, pp. 39, 139, 143, 146, 183.

⁵⁶ A. George, D. Hall, W. Simons. The Limits of Coercive Diplomacy. Boston 1971, p. 8.

⁵⁷ Как писал об этом постоянный представитель США в НАТО Х. Кливленд, «ответственные политические лидеры всегда будут начинать применение силы в наиболее осторожной форме из всего набора возможностей, ибо сила — это лестница в одном направлении. Легко эскалировать, но очень трудно деэскалировать» (H. Cleveland. The Obligations of Power. N. Y. 1966, p. 44).

алистов «кризисной дипломатии» требовали так продумать пути возможного применения силы, чтобы это не провоцировало противника, не толкало его на резкие контрдействия («не ставить противоположную сторону перед острой необходимостью эскалировать конфликт, на что она может пойти, чтобы избежать военного или политического ущерба, который может быть ей нанесен, или компенсировать такой ущерб»⁵⁸). Такая осторожность являлась прямым результатом многочисленных неудач «кризисной политики». Ими же были обусловлены и настойчивые призывы «ограничивать свои цели в кризисах», не забывать, что «политика — это искусство возможного», что необходимо «решить заранее, как далеко вы готовы пойти», и т. д.

Таким образом, ставка была сделана на усовершенствование методов проведения внешнеполитического курса США в международно-политических кризисах с тем, чтобы эти методы дополняли традиционную опору на военную силу. Впрочем, и новые методы «кризисной политики» США не принесли им успеха. Применение стратегии «гибкого реагирования» породило в 60-х годах серию опасных международно-политических кризисов⁵⁹: берлинский (1961 г.), карибский (1962 г.), индокитайский, затянувшийся на многие годы и неоднократно приводивший к дополнительным острейшим вспышкам международной напряженности в результате политики США в Лаосе (1961 и 1962 гг.), провокации в Тонкинском заливе (1964 г.) и бомбардировок ДРВ, начавшихся параллельно с массовой эскалацией агрессии США в Южном Вьетнаме (1965 г.). Однотипная агрессивная политика союзника США Израиля привела в 1967 г. к опасному кризису на Ближнем Востоке.

Однако, создав эти очаги, США не добились успеха. «Кризисная политика» либо оборачивалась поражениями, либо, как минимум, не приносила ожидаемых результатов. Общеизвестным доказательством тому служат итоги агрессии в Индокитае, в ходе которой мощнейшая военная машина США оказалась не в состоянии добиться победы над вьетнамским народом. Локальная интервенция, которую Пентагон рассчитывал провести походом, не затрачивая больших сил и средств, в конце концов привела к потере десятков тысяч солдат и офицеров, растрате свыше 200 млрд. долл., послужила толчком для крайне болезненного внутриполитического кризиса и ударила по экономике страны, став одной из главных причин обострения валютно-финансового кризиса.

Все это было неожиданностью для милитаристских кругов США, длительное время рассматривавших ход интервенции в Индокитае как частную, случайную неудачу. Неудача же эта была порождена объективными факторами и прежде всего сдвигами в глобальном соотношении сил, облегчившими победу героического народа Вьетнама в его борьбе против иностранной интервенции. Провал непосредственно интервенционистских акций происходил именно тогда, когда США пришлось окончательно распрощаться с расчетами на то, что удастся добиться стратегического превосходства над СССР и его союзниками — странами социалистического содружества. Все это вело к дальнейшему сужению возможностей агрессивных кругов в отношении применения силы в международно-политических кризисах.

Эта тенденция по мере того, как она обозначалась все четче, приводила к известным поворотам в сторону реализма при осуществлении внешнеполитического курса США уже в 60-е годы. Такой поворот явно наметился во время последнего этапа президентства Кеннеди, в первую

⁵⁸ A. George, D. Hall, W. S. Simons. Op. cit., p. 8.

⁵⁹ Д. Кеннеди признавал, что за время его президентства (1961—1963 гг.) США и СССР трижды «шли навстречу друг другу курсом, грозившим лобовым столкновением — во время берлинского (1961 г.), карибского и лаосского (1962 г.) кризисов» («Public Papers of the Presidents of the United States. J. Kennedy. 1963». Washington. 1964, p. 746).

очередь под влиянием тех потрясений, через которые прошел Вашингтон в период карибского кризиса. В ряде выступлений в последние годы своей жизни (особенно в речи в Американском университете в Вашингтоне 10 июня 1963 г., в которой он призвал начать улучшение отношений с СССР) Кеннеди говорил о том, что «всеобщая война не имеет смысла в век, когда великие державы могут содержать большие и относительно неуязвимые ядерные силы», и призывал к «пересмотру нашего отношения к «холодной войне», к «смягчению напряженности», подчеркивая, что «как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно и глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и прекращении гонки вооружений»⁶⁰.

Этим заявлениям сопутствовали сдвиги в подходе Вашингтона к современным международным отношениям, которые сделали возможным подписание таких важных международных соглашений, как Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.) и меморандум о создании прямой линии связи между СССР и США (1963 г.). Элементы конструктивного подхода проявлялись и в последующие годы, что привело к подписанию договоров о запрещении размещать ядерное оружие в космосе (1967 г.), о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) и др. Но эти сдвиги в сторону реализма были еще редки, и в борьбе между силами, выступающими за разрядку, и силами интервенционизма и «холодной войны» последние на протяжении 60-х годов, как правило (хотя и с большим трудом, чем раньше), брали все же верх.

Назревавшие в США сдвиги в сторону реализма более основательно проявили себя в начале 70-х годов. Новые явления возникли в этот период и в подходе США к международно-политическим кризисам. Однако эти новые тенденции рождались и развивались в сложных условиях, в непрекращающейся борьбе. Продолжает действовать и порой дает себя знать, хотя и более приглушенно в условиях разрядки, старая интервенционистская традиция. Она проявила себя в ходе ряда международно-политических кризисов на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной и Южной Азии, в Восточном Средиземноморье. Правда, в силу тех позитивных сдвигов, которые происходят сейчас на международной арене, и в первую очередь в советско-американских отношениях, США все чаще вынуждены в ходе этих кризисов лавировать и идти на компромиссы.

История послевоенной «кризисной политики» и «кризисной дипломатии» и связанной с ними эволюции военно-политических доктрин свидетельствует о том, что сдвиги во внешней политике США вызревали медленно и мучительно в процессе постоянной дискредитации интервенционизма и политики «с позиции силы» и растущего понимания того, сколь опасной, дорогостоящей и бесперспективной является в 70-е годы политика, идущая вразрез с фундаментальными реальностями современной международной обстановки.

---

⁶⁰ «Public Papers of the Presidents of the United States. J. Kennedy. 1963». Washington. 1964, pp. 460, 462.